

18+

Татьяна Ермакова

ДИАЛОГ С ДУШОЙ

Татьяна Ермакова

Диалог с душой

«Издательские решения»

Ермакова Т. З.

Диалог с душой / Т. З. Ермакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566558-4

Что мы знаем о душе? Что это? Любой человек, в своей жизни думает о ней, о смысле своего существования и о смерти. Что нас ждет за порогом жизни? Никто не вернулся оттуда и не рассказал, как устроен мир, куда уходит душа каждого из нас. За что придется держать ответ и каким будет наказание за наши поступки, слова и намерения? Главный герой романа, итальянский врач, смог найти доказательства существования многих жизней души, воплощающейся на Земле ради одной цели — выполнение своей миссии.

ISBN 978-5-00-566558-4

© Ермакова Т. З.
© Издательские решения

Содержание

ДИАЛОГ С ДУШОЙ	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Диалог с душой

Татьяна Зиновьевна Ермакова

© Татьяна Зиновьевна Ермакова, 2022

ISBN 978-5-0056-6558-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДИАЛОГ С ДУШОЙ

Книга посвящается моей маме

В жизни важно все.

*Каждая минута, есть шаг к вечности
(мудрость)*

Монотонный треск будильника, раздражающий оголенные нервы, вытаскивал из сладостного сна погруженный в нереальные мечты мозг. Снова... опять... утро... работа... Иногда он удивлялся сам себе. Что заставило его выбрать столь трудную, мучительную и раздражающую душу профессию? Он пытался поставить вокруг себя бронированную стену, спрятаться в толстый кокон отстраненности, но нет... Работа требовала своих жертв – терпения, умения долго и утомительно выслушивать чужую боль, горе, сомнения, не обоснованную агрессию, раздражение на близких, окружающих и весь мир в целом. Житейские истории доходили порой до абсурдных ситуаций, топивших личность в кошмары своего сознания, заставляя блуждать по лабиринтам страхов, отчаяния, крича о своей беде в мир, который не желал их слушать. Миру не нужны были слабые духом и телом. Они всегда мешали двигаться вперед, тяжкими кандалами замедляли путь, создавали ненужные препятствия к достижению целей. И самое ужасное – эти люди всегда что-то просили. Они умоляли, требовали сочувствия, помощи, сострадания. Для большинства это непонятный и обременительный путь. Они даже не понимали, почему должны и обязаны подставлять плечо, отдавать свои деньги, тратить время на «жалких» и неприспособленных к жизни людей. Слабые духом были ненужной преградой на пути здоровых, радующихся жизни и своим успехам, избранным жителям планеты.

Но он выбрал свой путь сам, из года в год, двигаясь по тернистой дороге человеческих трудностей и трагедий. Уже в самом начале своего обучения в престижном медицинском университете, он твердо знал свою дорогу. Шел, не сворачивая с нее много лет, оттачивая мастерство у лучших специалистов в своей области, погружаясь в бесконечные тома медицинской литературы, с одним дерзким желанием – стать не только самым лучшим мастером своего дела, но и раскрыть тайну человеческой души, разобраться в ее истинном предназначении, а возможно, и найти способ общения с ее Творцом. Никогда и никому он не озвучивал своих мыслей и желаний, считая это ненужным растрачиванием идей и планов. Он шел один, разгребая заросли человеческих мыслей, поступков, ошибок и желаний. Еще в юности, он прочитал у великого Джордано Бруно:

«Кому дано целить пороки, —
Тогда свое он счастье заслужил, —
Затем что ведал, для чего он жил».

Эти строки и стали его жизненным девизом.

С самых первых дней своей работы с пациентами, он вел подробный дневник, записывая ежедневно не только жалобы и симптомы страдающих людей, но и пытался выразить свои мысли и предположения по ситуации. Опыт нарастал, а вместе с ним горы заметок и размышлений. Периодически он их перечитывал, делал пометки на полях, и каждый раз удивлялся, как меняются его умозаключения вместе с прожитыми годами и накопленным опытом.

Выслушивая изо дня в день своих пациентов, он все чаще стал ловить себя на мысли, что это слабое существо, «венец творения», всего лишь мелкая букашка, пылинка, странствующая по просторам мироздания, но требующая от Создателя и собратьев по разуму только одного: «Дайте! Дайте! Вы мне должны!». Плавающая в огромном океане полученной информации, он

перестал понимать, зачем он существует сам и почему так примитивно устроена жизнь на этой планете. «О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!»¹

Его собственные мысли, движущиеся по логически разложенным тропинкам образованного врача, начинали петлять по разуму, ища ответы на новые, порой пугающие своего обладателя вопросы. Но больше всего его стали пугать собственные сны. Они заполняли собой всю ночь, не давая отдыха, и оставляли тонкое послевкусие, заставляя возвращаться к необычным воспоминаниям в течение дня. Сны казались все более реальными, и он стал понимать, что это неспроста. Как будто кто-то пытается открыть его разум, оставить в нем информацию, которой он должен как-то распорядиться. Ощущая себя заложником, не имеющим свободы выбора, он стал записывать свои сны. Постепенно из этих разрозненных записей стала складываться более или менее стройная картина, заполненная последовательными событиями и повторяющимися символами.

Глава 1

«День только к вечеру хорош. С утра уныние и ложь и копошащиеся черти"². Эти строчки постоянно повторяла его бабушка, урожденная русская княжна. Как она была права! Вот и сегодняшнее утро ничем не отличалось от всех предыдущих. Приняв душ, он выбрал в гардеробе подходящий костюм и туфли, спустился в гараж. Его рабочее утро всегда начиналось в маленькой и уютной кофейне, рядом с домом, в которой было потрясающее кофе и ароматная свежая выпечка.

– Доброе утро, доктор Дин, – раздался тихий голос старого хозяина кофейни. Это был замечательный старик, с тонким чувством юмора и такта. Такие колоритные и раритетные старики почти вывелись, и поэтому Дин любил утром и вечером после работы заглядывать в это старое, но милое заведение.

– Доброе утро. Как здоровье? Что у вас сегодня нового, Томас?

– Все как обычно, доктор. В моем возрасте отсутствие перемен, хороший знак.

Старик улыбнулся и принес чашку ароматного кофе с чудесным круассаном. Было заметно, как тяжело ему дается перемещение по маленькому залу, но это был его дом уже лет шестьдесят и, вероятнее всего, его последний день пройдет в этих старых стенах, отсчитывающих историю уже лет триста.

– Приятного аппетита, доктор. Хорошего вам дня. Сегодня он особенный. Такое тихое утро, как в детстве.

Старику явно хотелось поговорить, но он был деликатен и не стал нагружать своими стариковскими воспоминаниями постоянного клиента.

Выпив кофе и расплатившись, Дин открыл дверь и тут же наткнулся на инвалидную коляску.

– Простите, – вскрикнул он, испугавшись, что мог опрокинуть инвалида, в последний момент, увидев, что в кресле сидит молодая женщина. Она приняла его извинения, но не стала просить помощи, чтобы проехать в кафе. Дин отошел в сторону и только потом сообразил, что на какой-то миг потерял нить ситуации. Это было довольно странно. Он привык молниеносно решать любые жизненные и рабочие задачи. А тут просто завис. Он слегка подтолкнул коляску, когда за девушкой уже закрывалась дверь.

– Еще раз, простите, – он деликатно дотронулся до ее плеча и вдруг осознал, что пальцы получили легкий разряд, и это ощущение мгновенно разлилось по всему телу. Девушка слегка обернулась и, не сказав ни слова, медленно проехала по залу в дальний угол кафе. Старик, увидев ее, расцвел в доброй улыбке и тихонько направился к столику принимать заказ.

Дин, закрыв дверь, медленно пошел к своей машине, решая на ходу новую задачу. Что это такое было? Что за новое чувство? У него давно не было серьезных отношений, но даже в период своей первой юношеской влюбленности он не испытывал такого. Это можно было сравнить с теплой волной мягкого света и тепла, пронзившего все тело и оставившего нежное обволакивающее покрывало. Он реально это почувствовал!

Уже за рулем, Дин быстро перестроил свой мозг на работу. Это было необходимо. Сегодня к нему на прием придет один из самых сложных его пациентов. Они работали долгое время над трудной проблемой, с которой столкнулся его пациент. Сеньор Леон, пятидесятилетний банкир, в первый год своего необычного состояния пытался бороться собственными силами. Он читал специальную литературу, посвященную его проблеме, перерыл весь интернет и даже обращался к священнику, надеясь, что он поможет разобраться в этой странной ситуации. Но время шло, ничего не менялось, и в один момент Леон увидел статью на сайте, в которой доктор Дин описывал похожий случай в своей практике. Он зацепился за эту информацию, как утопающий за соломинку. Так началась их совместная работа в стенах клиники.

В первое время Дин относился к Леону, как к своему обычному пациенту. Он не находил особых трудностей в симптомах, которые описал доктору банкир. Дин уже несколько лет собирал материал по схожим историям и был уверен в том, что этот пациент ему под силу. В процессе работы Дин применял стандартные техники психотерапии, но результаты были почти нулевые. Это было довольно странно. Леон постоянно уводил доктора на какие-то свои тропинки сознания, не давая Дину выйти на нужный ему путь. Спустя два месяца Дин предложил Леону пройти курс регрессивного гипноза. Сегодня должен быть первый сеанс.

Администратор клиники сообщила доктору, что пациент его ждет почти целый час, хотя до приема оставалось еще пятнадцать минут. Дин улыбнулся про себя, понимая, что Леон сильно волнуется и скорее всего даже не спал этой ночью.

– Доброе утро, сеньор Леон. Проходите в кабинет, – доктор пропустил пациента и медленно закрыл за собой дверь.

– Как ваше самочувствие? Как спали ночью?

– Доктор! Я так волновался, что не смог даже уснуть. Какое-то странное чувство мешало моему разуму. Мысли крутились, как волчки, перед глазами мелькали разные картины, словно в кино. Мне кажется, я даже слышал какие-то мелодичные голоса, то ли поющие песни, то ли пытающиеся мне что-то сказать. Но я не мог разобрать ни слова. Это, наверно, от волнения. Я никогда не проходил сеанс гипноза. У меня всегда было такое чувство, что, если откроешь свой разум, как книгу, ты можешь потерять себя.

– Ну что вы, успокойтесь. Мы с вами готовились к этому сеансу. Между нами должно быть полное доверие и понимание, и только так мы сможем решить ваши проблемы. Это стандартная процедура. Человек под гипнозом частично контролирует себя, и в любой момент, если он подвергается опасности или насилию, подсознание вытаскивает сознание на поверхность, давая возможность сохранить себе жизнь и не совершить поступок, противоречащий сущности человека. Например, если вдруг кто-то захочет расстегнуть пуговицу на блузке юной девушки под гипнозом, она мгновенно вернется в реальность. Поверьте, вам не грозит никакая опасность. Доверьтесь мне.

В кабинете зазвучала расслабляющая музыка. Тихий, спокойный голос врача погружал Леона в облака обволакивающей неги, открывая двери в огромное пространство воспоминаний. Дин внимательно следил за лицом пациента, отмечая малейшее движение мышц, отражающих внутренний мир эмоций Леона, задавая стандартные вопросы. Погружая пациента в детские воспоминания, Дин направлял мысли Леона в его прошлое. И вдруг лицо пациента исказила гримаса. Выражения менялись молниеносно – страх, удивление, восторг, печаль, страдание, радость. Его речь стала совершенно иной, изменился голос, его тембр, он не ответил на последний вопрос Дина. Руки вцепились в край кресла и побелели. Постепенно лицо расслабилось, выражая спокойствие и внутреннее душевное равновесие. Дин вновь повторил свой вопрос.

– Сеньор Леон, сколько вам лет?

В воздухе повисла пауза...

– Мне... Мне трудно сказать. Здесь нет такого понятия, как время. Я могу быть в прошлом, настоящем и будущем одновременно. Это очень интересное ощущение. Я опять дома.

– Где вы сейчас находитесь? Что вы видите вокруг себя?

Дин быстро перевел сеанс в нужное русло. Он понял, что уже вышел за рамки стандартного гипноза и сеанс переходит на новый уровень. Общение с измененным сознанием пациента напоминает путешествие в загадочную страну со своими законами, правилами и ощущениями. Оно как фантастическая книга, в которой никогда не знаешь, что откроется за новым поворотом мысли.

– Я плыву в облаке света, окутанный нежностью и любовью, как теплым одеялом. Я хочу быстрее увидеть своих друзей, – пациент блаженно потянулся. Во всем его теле чувствовалась полная расслабленность и наслаждение.

– Сеньор Леон. Вас кто-то встречает? Как вас зовут в мире душ? – Дин мягко, но настойчиво направлял пациента в нужном направлении.

– Меня зовут Рон. Это мое настоящее имя, но друзья часто называют меня просто Ро. Я вижу своих друзей. Они рады, что я вернулся домой.

– Рон. Вы выполнили свою программу? Вы понимаете, о чем я спрашиваю? – Дин внимательно следил за эмоциями пациента. Тело, как не странно, тонко реагирует на чувства души во время работы с измененным сознанием. Ум и душа вынуждены работать вместе, создавая нас такими, какие мы есть в этом мире.

– Не совсем. И у меня есть еще одно задание. Я должен передать Вам... Вы... Вы должны быстрее найти Ру и помочь ей.

Выражение лица пациента стало каменным, голос жестким, словно это строгий учитель отчитывал неразумного ученика.

Для Дина эта информация стала полной неожиданностью. Таких диалогов у него еще не было. Дин много лет работал с техникой регрессивного гипноза, учился у знаменитого гипнотерапевта и был его лучшим учеником, но никогда и никому души пациентов не передавали информацию для других людей, тем более для врача. Это захватило ум ученого. Он понял, что стоит на пороге нового открытия.

С самого начала, анализируя историю Леона, Дин чувствовал новые потоки информации, но они были неявными, порой повторялись и у других пациентов, поэтому он посчитал эти знаки неважными. Теперь понял, что зря. Оказалось, что каждая мелочь может играть глобальную роль.

История стареющего банкира была необычной только с одной стороны. Это его сны. В течение двух лет он видел каждую ночь один и тот же сон – вереницы людей, одетых в серые, рваные одежды, двигались в темном коридоре однородной серой массой, монотонно раскачиваясь, сливаясь в один поток и растворяясь в черном тумане. Каждая ночь разрушала здоровье и психику Леона. Он не понимал, как избавиться от навязчивого сна, как вернуться к своей старой жизни. В глубине души Леон чувствовал, что его сновидения несут какую-то информацию для него самого и, скорее всего, в них скрыта некая тайна. Он должен что-то вспомнить, исправить или изменить в своей жизни, но не сойти с ума и не заболеть от переживаний и бессонных ночей. Последней надеждой в его поиске ответов своей жизни Леон выбрал доктора Дина. За несколько месяцев до встречи с доктором Леон перечитал в интернете все доступные для чтения и его понимания статьи доктора Дина, посвященные работе с измененным сознанием, и это вселило в него надежду на исцеление. И вот первый же сеанс разочаровал Леона, в нем засел страх от непонимания всего происходящего. Он не смог получить ответ на свой вопрос, но и доктор был в растерянности от задач, поставленных Роном. Единственное, что успокаивало банкира, это мягкое и последовательное объяснение ситуации врачом. Дин был уверен, что они на правильном пути, а странное поручение только новая задача, над решением которой им стоит потрудиться.

Дин медленно снял и повесил в шкаф халат. Сегодняшний сеанс с пациентом поставил его в тупик: Что делать дальше? Как выстроить диалог с душой? Как расшифровать полученную информацию? В каком направлении двигаться дальше? Почему сеанс оборвался на таком странном сообщении? И кто такая Ру? Вопросы молниеносно проносились в уме, и Дин решил, что ему следует взять тайм-аут на несколько дней и перенести работу с пациентом на следующую неделю. Он дал задание администратору связаться с Леоном и спустился в гараж. Рабочий день закончился раньше на два часа, но Дин решил не ехать домой, а посидеть в кафе,

обдумать ситуацию и набросать план дальнейшей работы с Леоном. Дин любил за чашечкой кофе в тихой атмосфере уютной кофейни Томаса, собраться с мыслями, послушать спокойную музыку, расслабиться, окунувшись в почти домашний уют любимого ресторанчика. Вечерами на маленькой сцене за стареньким роялем пела внучка Томаса Кристина. Это было ангельское создание с волшебным голосом. Ее репертуар всегда возвращал Дина в далекое детство, напоминая о счастливых годах, проведенных в огромном поместье у бабушки. Каждую субботу она устраивала потрясающие вечера, приглашая на виллу музыкантов, поэтов и иногда сама исполняла прекрасные романсы. Ее русские корни, великолепное воспитание, манеры и образование, привлекали в ее дом огромное количество любителей искусства. Она неплохо рисовала и в доме была собрана прекрасная коллекция живописи. Дин очень любил бабушку, как и она его, единственного внука, подарившего ей счастье детского общения и любви. Ее наставления и жизненные уроки он помнил и следовал им, понимая, что это и есть настоящая жизнь и мудрость, которую мир постепенно утрачивал, стирая, как ластиком, вековые традиции и отношения между людьми.

Дин, припарковав машину, зашел в кафе, сел за свой любимый столик, в дальнем углу зала, сделал заказ и только потом увидел на противоположной стене большую картину в красивой рамке. Сегодня утром ее здесь не было. Издалека она казалась большим бело-голубым пятном с размытыми контурами, без четких форм и конструкций. Дину стало интересно. Он встал и, проходя мимо одного из столиков, увидел девушку, ту самую, в коляске, с которой столкнулся сегодня утром и едва не опрокинул ее. Он сразу сменил маршрут и решил подойти к ней. Особенного повода и не было. Он и сам не понимал зачем, но решение было принято.

– Добрый вечер. Я рад, что еще раз увидел вас и могу вновь извиниться за утреннее происшествие.

– Добрый вечер, – она посмотрела в его сторону, и Дин удивился глубине ее серых глаз, – все хорошо, не переживайте, – и вновь сосредоточилась на своих рисунках, разложенных на столе, пытаясь перевернуть их.

Дин вернулся к своему столику, забыв про картину и свое желание ее рассмотреть поближе, решив, что сможет это сделать позже, уходя из ресторана.

Пожинав, открыл блокнот и стал быстро вносить в него записи. Он был уверен, что за этими повторяющимися снами скрывается тайна прошлой жизни Леона, заставляющая его решить жизненные задачи, с которыми он не справился в своей прошлой жизни. Другого ответа Дин не находил. Задумавшись, неосознанно, он взглянул в сторону девушки в коляске и утонул в ее глазах. Она быстро опустила голову, не давая ему даже возможности зафиксировать взгляд и зацепиться за ее интерес к нему. Дин улыбнулся, понимая, что ей он интересен либо сам, либо его занятие.

Девушка собрала свои наброски, сложила их в папку и направилась к двери. Дин не решился помочь ей. Дверь тихо закрылась, а он вернулся к своим мыслям.

– Вам принести что-нибудь, доктор, – Томас отвлек Дина от его размышлений.

– Нет, спасибо, Томас. Я только хотел спросить. Утром у вас не было этой картины. Где вы ее купили? Я ее еще не рассмотрел, но это, наверное, интересная идея. Она очень необычная даже издалека. Как она называется?

– О! Мне ее подарили. Она великолепна. Я сегодня полдня рассматривал ее, как будто в детство окунулся. Я же вам говорил, доктор, что сегодня необычный день. Так и оказалось. Я это чувствовал и как будто что-то ждал. Когда ее занесли, я даже не знал, что сказать. Меня никто не предупредил, что сделают такой подарок. Я очень благодарен ей. Сегодня все, кто приходил в ресторан, восхищались картиной. Но она не взяла за свою работу никаких денег. Я мне так неудобно за такой подарок. Но она сказала, что это в память о каком-то событии.

– Кто, она? – Дин удивился рассказу Томаса.

– Ну, как же! Вы же ее видели. Это художница Лина. Вы же сами сегодня к ней подходили. Я думал, вы знакомы. Она живет здесь уже два года. У нее мастерская на Via Melone. Она приглашала меня на выставку, но мне уже тяжело ходить и я отдал приглашение внучке.

– А когда выставка, Томас и где? – Дин не ожидал от себя, что слова выстрелят быстрее его мыслей.

– Завтра, доктор, завтра. Только адрес и время спросите у Кристины, – Томас медленно пошел в сторону кухни.

Дина охватило неожиданное чувство. Если бы он сразу посмотрел картину, он вряд ли смог бы ее прочувствовать и оценить глубину замысла художника, но сейчас, пойдя к ней и уже зная, кто ее написал, он погрузился в нее всем своим существом. Это было невероятно! Чем ближе он подходил, тем более объемной она казалась. Дин знакомый с приемами живописи не мог разгадать, какими красками и техникой была написана картина. Погружение в нее было на уровне гипноза, и она манила своей глубиной и цветом. Их было всего два, белый и голубой, с огромным количеством оттенков. Они открывали двери в неизвестное пространство, давая возможность мечтать и забыть реальность. Образы рождались спонтанно. Казалось, что они перемещались внутри картины, создавая иллюзию живой жизни. Нежные, пенные облака, соединялись с морем, размывая тонкую грань горизонта. Дин рассматривал каждый уголок, находя в картине новые сюжеты и символы, и вдруг его взгляд зацепился за маленькие штрихи, похожие на рунические изображения. Его обдало жаром, сердце забилося, гулко отзываясь в голове. В углу были нарисованы две маленькие славянские буквы и читались они «РУ». Нет, это совпадение, пронеслось в голове. Этого просто не может быть, это случайность. Дин собрался с мыслями, быстро взяв со стола свой блокнот и, попрощавшись, вышел на улицу. Было уже темно, но возвращаться домой не хотелось. Он брел по аллее, не понимая, что с ним происходит. Рациональный ум врача не хотел разрушать устоявшийся порядок мыслей и жизни. Его работа в глазах консервативной медицины и так выглядела довольно подозрительно и не научно, но это направление клинической психологии уже давно обросло доказательствами, с которыми приходилось мириться ученым мужам из медицины. И вот сегодняшний сеанс приоткрыл еще одну дверь в этот сложный духовный мир. Дин уже много лет искал новые методики работы со сверхсознанием, изучая неисследованные тайны тонкого мира, и, возможно, именно сейчас это и произошло. Вероятно, он сделал новый шаг к более глубокому пониманию устройства нашего бытия. Все его мысли выстроились в стройную, логичную линию, подарив Дину ключи к разгадке, свалившейся на него информации.

Дин вспомнил, что не спросил у Кристины время и место проведения выставки, повернул назад к ресторану, но его уже закрыли, и ему пришлось идти домой. Дин решил, что утром он успеет увидеть Кристину.

Ночь не принесла долгожданного отдыха, но Дин встал раньше обычного, подталкиваемый желанием обязательно посетить выставку и пообщаться с художницей. Едва Дин вошел к кафе, Кристина сама подошла к нему и предложила билет на выставку.

– Доктор Дин, дедушка сказал, что вы хотели сходить на выставку? Возьмите мой билет, чтобы он ни пропал. У меня сегодня экзамен и я не смогу пойти в галерею. Хорошо? – девушка, улыбаясь, протянула Дину билет.

– Конечно, Кристина. Большое спасибо. За мной подарок, – Дин благодарно улыбнулся, взяв билет.

– Ну что вы, – смущенно пролепетала Кристина и выпорхнула из ресторана.

Дин сел за столик, ожидая заказ, и посмотрел на билет – «Милан, « Палаццо Реале». Открытие в 16.00. Выставка художника Алины Риччи». Выходит ее зовут не Лина, подумал Дин. Она не итальянка, это однозначно. Его мысли все больше занимала эта женщина. Столько необычного и странного было в этой встрече. Дин, выпив кофе, достал телефон, с желанием узнать, как можно больше о художнице. Открыв интернет, он набрал в поисковике ее дан-

ные. Страницы пестрели заголовками газет, один страшнее другого. Дин с ужасом читал статьи о семье Риччи, попавшей в автокатастрофу в районе Флоренции. Столкнувшись с мотоциклистом, выскочившим на встречную полосу на узкой и извилистой горной дороге, машина съехала со склона и опрокинулась. Муж Алины, известный пианист Антонио и семилетний сын Тимми, погибли на месте, а она выжила, пережив клиническую смерть. Три года ушло на то, чтобы просто вернуться к жизни. До трагедии Алина работала реставратором в знаменитой галерее Уффици во Флоренции, но теперь оставила работу и стала писать уникальные по своей красоте картины. Они быстро завоевали признание публики и критиков, она стала знаменитым художником, но вела довольно замкнутый образ жизни. Ее появления в свет были связаны только с ее выставками. Дин выключил телефон и замер в оцепенении. Вот почему ее глаза выражали такую тоску и отстраненность.

Поднимаясь по лестнице в Королевский дворец, где проходила выставка, Дин замедлил шаг. Он не знал, как себя вести. Стоит ли подходить к Алине или просто ознакомиться с выставкой? Вздохнув, он решительно двинулся в галерею. Все картины были расположены на стендах в центре зала. Звучала тихая классическая музыка. В самом дальнем углу галереи он увидел скопление людей. Там щелкали фотоаппараты, и Дин решил, что подходить туда не стоит. Больше всего он теперь боялся встретиться с ней взглядом и заговорить. Он много работал с людьми, пережившими подобные трагедии, потерявших родных и близких и понимал, какие чувства испытывают эти люди, задавая себе одни и те же вопросы: «Почему именно я? Почему эта потеря коснулась меня?» Дин с трудом, но находил ответы на эти вопросы, помогая людям сохранить желание жить и ощущать радость от этой жизни после пережитого. Но все же главным лекарем в этих трагедиях было Время. Оно сглаживало боль, стирая острые грани, затягивая раны и успокаивая истерзанное сердце.

Остановившись возле первой картины, Дин вновь ощутил эффект погружения в трехмерность полотна. Пастельные краски ложились нежными мазками, создавая объем и движение в картине. Это был цветущий сад, наполненный весенней жизнью, покрытый вуалью белых и розовых цветов. Вглядываясь в него, можно было ощутить аромат благоухающего сада. Казалось, что от тихого дуновения ветра, играют легкие тени. Это было потрясающее зрелище. Как она смогла так передать игру утреннего света, проникающего сквозь ветви и листья деревьев? Вторая картина была темной и мрачной. Таким было первое впечатление. Но это был просто контраст с весенним садом и Дин, отойдя на метр от картины, вдруг увидел тот же объем, только зовущий в необъятные просторы ночи. Блики тусклых звезд, спрятавшаяся за облака мерцающая луна, тонкая гладь безбрежного моря, подернутая мелкой рябью. Все дышало покоем и вечностью. Дин явно услышал тихий шум прибоя. Странное ощущение. Будто ты живешь в этой картине, и она втягивает в себя, приглашая насладиться истинным миром, устранить от ненужной суеты, слиться с природой и отдаться ей навсегда. Возле третьей картины стояло несколько людей и Дин смог увидеть ее только сбоку. Ему вдруг показалось, что изображение было вогнутым, как линза, насыщенная глубиной темно-синего моря, водная стена колыхалась, как театральный занавес, раскрывая красоту подводного мира. Яркие краски кораллового рифа наполняли картину объемом и дарили ощущение полного присутствия. Дин не раз погружался с аквалангом и точно знал, что именно такие впечатления и оставляет удивительно красочный подводный мир. Ему даже послышался звук выдыхаемого воздуха из регулятора дайвера. Иллюзия была совершенной!

На противоположной стороне была расположена довольно большая и мрачная картина. Отсутствие цвета, кроме серого, вызывало внутреннюю тревогу и страх. Размеры картины давили, казалось, что ты смотришь на город из окна высотного здания и открывающийся пейзаж не оставлял никакой надежды. Мрачное серое небо, с нависшими грозowymi тучами, затухающий пожар, с огромными, поднимающимися к небу столбами дыма, зияющие разбитыми окнами полуразрушенные небоскребы, нагромождение останков машин и зданий.... В этом

пространстве чувствовалась мертвая тишина и полное отсутствие жизни. Вероятно, таким и будет последний день человечества. Дин не мог оторвать взгляда от трагической картины. Его сны часто преподносили похожие пейзажи, заставляя искать причины таких образов и сновидений. Он не понимал, почему сейчас, он ощущал его, как знакомый.

Сзади послышался легкий шум. Дин обернулся и от неожиданности вздрогнул.

– Добрый день. Вы решили посетить выставку? Я благодарна вам, – мягкий голос Алины вернул Дина в реальность.

– Добрый день, Алина, – Дин протянул ей руку. – Я не представился. Доктор Дин Уайт.

– Вы... доктор Уайт? – Алина задержала свою руку дольше положенного и, спохватившись, выскользнула из руки Дина.

– Да. А вы меня знаете? – удивился Дин.

– Я читала ваши работы. Вы занимаетесь новым и довольно интересным делом. Я думаю, это направление медицины необходимо людям, – ее лицо излучало мягкий свет.

– Почему вы так думаете? Мне это интересно.

– Давайте отложим этот разговор. Он слишком долгий и очень важный. Сейчас меня ждут, – она протянула руку и спросила: – А вы все уже посмотрели?

– Я успел посмотреть только четыре картины. – Дин был приятно удивлен, что она перенесла разговор. Ему действительно хотелось пообщаться с Алиной в тишине и без посторонних. Он был уверен, что их многое связывает.

– Мне хочется услышать ваше мнение, – Алина проехала вперед, показывая направление Дину.

– Это сложное чувство не уместится в двух словах. Вас, наверное, уже ждут. У нас будет время поговорить, – Дин сказал это таким уверенным тоном, что Алина улыбнулась краешком губ и кивнула.

– Всего хорошего, доктор Дин, – она развернула кресло и двинулась в сторону ожидающих ее репортеров.

Дин вернулся к картинам в галерее. Каждая из них, в той или иной мере, бередила душу своей глубиной понимания силы природы, ее красоты и величия. Их было немного, но каждая оставляла след и вынуждала задуматься о нашей жизни на этой погибающей планете. Загубленная природа показывала свою исчезающую красоту во всем своем великолепии задуманного Творцом, и только человек стал главным разрушителем этого маленького рая на бескрайних просторах Вселенной. Большинство людей, проживая порой совершенно никчемную и бесполезную жизнь, приходят в этот мир решить свои кармические задачи, но получается, увы, не у всех. Пять процентов созидателей, двигающих цивилизацию, сосуществуют с остальной массой, просто прожигающих жизнь или пытающихся выжить в этом мире.

Дин, воспитанный бабушкой, очень любил русскую классику. Он вспомнил фразу из произведения Ф. М. Достоевского: «... глупое, пробное существо, созданное в насмешку». Тонкий знаток человеческих душ, верно, подметил истинную сущность людей, разрушающих вокруг себя абсолютно все.

Когда Дин вышел из дворца, было уже темно, зажглись фонари и желтые мерцающие блики света порождали движущиеся тени на каменных тротуарах. Такого насыщенного эмоциями дня у Дина не было давно. Его огромный опыт, работы с человеческой психикой, эмоциями, поступками давал возможность полного понимания сути человека. Знания, которые он приобрел, работая с техникой регрессивного гипноза, позволяющие вести диалоги с самой сокровенной, таинственной, неизведанной и закрытой от простого обывателя – бессмертной душой человека, сейчас требовали нового осмысления. Каждое очередное воплощение души на Земле несет в себе поиск и решение задач, не освоенных в прошлой жизни. Это как обучение в школе. Если усвоил урок, можешь двигаться дальше, строя на полученных знаниях фундамент своей дальнейшей жизни. Если не удалось разобраться в хитросплетениях матема-

тических задач, будешь вынужден возвращаться к ним снова и снова, потому что они не дают возможности двигаться вперед и расти в своем бесконечном развитии. Каждая жизнь – это кратковременный контракт, в течение которого душа получает уроки один за другим и за это придется отчитываться вечно.

Ему захотелось погрузиться в воспоминания прошлой жизни Алины и там отыскать заветные ключи ее жизни в настоящем. Но захочет ли она впустить его в свою душу, захочет ли открыть свои тайники?

Глава 2

Утром Дин проснулся в хорошем настроении. Он быстро оделся и отправился в кофейню в надежде, что Алина уже будет там. Его лицо, видимо, выдавало его чувства, и Томас, подавая кофе, слегка прищурился и каким-то таинственным голосом спросил: – Как выставка, доктор Дин? Вам понравилось? Другие картины такие же красивые, как у нас?

– Да, Томас. Фантастические картины. Вам тоже нужно их посмотреть. И передайте огромное спасибо Кристине. Я ей очень благодарен за билет. Она сдала экзамен в медицинской школе?

– Да, на отлично. Вы ее кумир, доктор, она очень старается – Томас хитро улыбнулся, – у нее был какой-то трудный вопрос, и она хотела спросить у вас, но не посмела. Скромность иногда мешает молодым, но многим ее не хватает. Вот так, – и Томас тихонько побрел на кухню.

Прождав два часа, Дин ушел из кофейни и отправился в Государственный архив Милана. Два раза в месяц Дин посвящал целый рабочий день работе в архиве. Его материалы, связанные с регрессивным гипнозом, обрастали огромным количеством историй людей, описывающих свои прошлые жизни. Дин собирал доказательства этих жизней, имен и событий для своей новой книги. Около восьмидесяти процентов этих историй, проживших прошлые жизни в последние столетия в Италии, Испании, Франции и Германии, находили свое подтверждение в архивах, но многие истории восстановить было уже невозможно. Запросы в архивы многих стран просто терялись или приходили ответы о потере архивных записей. Войны уничтожили в своем огненном чреве часть человеческой эпохи. Но даже маленькие крохи, имеющие подтверждение информации, полученной при уникальных диалогах с душой, давали надежду на истинную картину мира, описанную бессмертными душами.

Еще в течение двух дней Дин утром и вечером приходил в ресторанчик и ждал Алину. Его тревога нарастала с каждым днем, и сегодня он решил отправиться в мастерскую Алины. Адрес он нашел в интернете, оказалось, что мастерская находится в двух кварталах от ресторана. Дин шел по вечерней улице, размышляя о событиях прошедшей недели. Он ловил себя на мысли, что думает об Алине, практически постоянно. Любая свободная минута его загруженной жизни наполнялась мыслями о картинах талантливой художницы. Еще его мучил вопрос о символах в углу каждой работы. Что же означает это комбинация букв «РУ»?

Мастерская располагалась во внутреннем дворе старинного здания, недалеко от Пинакотеки ди Брера. Дин с радостью обнаружил, что окна в мастерской были освещены. Значит, она работает, – подумал Дин, – и поднес руку к звонку. Постояв немного в замешательстве, он нажал на кнопку. Через минуту в домофоне раздался голос Алины.

– Я слушаю вас, – она выдержала паузу и еще раз задала вопрос, – Кто это? Я вас слушаю.

Дин глубоко вздохнул и ответил, каким-то чужим, незнакомым самому себе голосом.

– Это Дин Уайт, Алина. Можно войти? – Дин был уверен, что она ответит отказом.

– Конечно. Я сейчас открою, – ее голос звучал приветливо и даже радостно.

Открыв дверь, Алина пригласила Дина войти, но он замер от увиденного. Алина стояла, слегка опираясь на трость, и улыбалась.

– Проходите, Дин. Рада вас видеть, – она двинулась вглубь огромной комнаты, заставленной картинами, столами с красками и листами карандашных набросков. В середине комнаты стоял мольберт. На нем были видны очертания парусника, распустившего наполненные ветром алые паруса. Картина была не закончена, но ее замысел был очевиден и играл волшебными красками.

– Я..., – Дин нерешительно подошел к картине, пытаясь сгладить зависшую в воздухе паузу, – Я думал увидеть вас в ресторане, но не дождался и решил прийти к вам в мастерскую.

С моей стороны, видимо, это не очень корректно, но мне хотелось заказать вам картину для моего кабинета в клинике, – Дин понимал, что слова застревают внутри и его мысли завязли в голове, как в сиропе.

– А я думала, что вы хотите поделиться своими впечатлениями о выставке, – голос Алины стал тихим и немного грустным, – Проходите, садитесь в это кресло. Хотите, что-нибудь выпить? – Алина, опираясь на трость и слегка хромая, двинулась к шкафу возле окна.

– На ваш вкус, Алина, можно немного вина.

– Кьянти? – Алина уже наливала два бокала, не дожидаясь ответа Дина.

Он быстро встал, взял оба бокала и поставил на маленький столик возле кресла. Алина принесла плитку темного шоколада и медленно опустилась в кресло рядом с ним.

– Какой сюжет вы хотите видеть в своей картине?

– Не знаю, если быть честным. Я просто восхищен вашим мастерством и мне захотелось каждый день видеть у себя на работе одну из ваших картин. Сюжет можете выбрать любой, – Дин медленно подбирал слова, не зная, как выразить свои мысли и чувства.

– Вы любите вспоминать свое детство? Где вы выросли, Дин? – Алина посмотрела на него своими серыми, бездонными глазами.

– Почему вы спрашиваете? Это имеет какое-то значение?

– Я в этом уверена. Если человек вырос в окружении красивой природы, в любви и ласке, его воспоминания детства всегда будут поддерживать и наполнять силой всю жизнь. Детство – это самый чистый и правильный период человеческой жизни, – Алина говорила тихо и как-то отстраненно, словно погружалась в какой-то свой мир, не доступный для посторонних.

– Возможно, вы правы, Алина. Детские радости и чувства самые яркие и самые эмоциональные, – Дин расслабился и вновь почувствовал легкость общения, – Я рос в поместье своей бабушки с двух лет. Мои родители жили в Америке, много работали в американской авиакомпании. Моя мама была стюардессой, отец пилотом гражданской авиации, – Дин удивился сам себе, почему ему так легко делиться своими воспоминаниями с почти незнакомым человеком, – Они погибли в один день, разбившись в очередном рейсе. Это был террористический акт. Их тела нашли и привезли в Америку, а я остался у бабушки навсегда. Она была образованным человеком, говорила на пяти языках и очень любила живопись. Вокруг нашего поместья были прекрасные поля, луга и леса. Я вырос в окружении первозданной природы и высокого искусства. Бабушка старалась привить мне не только манеры и знания, но и научила свободно мыслить и наслаждаться полнотой жизни.

– Вы интересно рассказываете, Дин. Я уже рисую в воображении пейзажи. Мне кажется, нужно оставить на холсте ваши воспоминания этого места, где вы выросли, – глаза Алины загорелись, она воодушевленно стала описывать Дину свои задумки и образы, – Кстати, а где расположено ваше поместье?

– В окрестности Флоренции, недалеко от Порты Романа. Нашему дому больше ста лет, а пейзажи в Тоскане настолько прекрасны, что мне не хотелось уезжать на учебу. Но я часто приезжал к бабушке, бродил по цветущему саду и наслаждался этой неповторимой природой, – Дин вспомнил, как давно он не был в усадьбе. Нужно выбрать время для поездки, наполнить жизнь другим ритмом, который дает это место – умиротворением. Время там приостанавливается и начинает течь медленным, тягучим и пряным вином, наполняя волнующими ароматами воздух. Его вдыхаешь, как нежный цветок, насыщающий легкие тонкими нотками природного парфюма.

– Простите за нескромный вопрос. Вы бываете там?

– Увы, почти четыре года не приезжал. После смерти бабушки мне совсем не хотелось возвращаться в поместье. Я не хотел видеть пустые комнаты, не наполненные её энергией и любовью. Дела ведет управляющий, очень порядочный и ответственный человек. Мы периодически созваниваемся, он присылает мне отчеты. Я спокоен за земли и усадьбу.

– Это хорошо, что есть человек, на которого можно положиться, – Алина поднесла к губам бокал и замерла, погружившись в свои мысли.

– Алина, – Дин воодушевился, – Как вы отнесетесь к предложению поездки в поместье? Вы посмотрите сад, дом и виноградники, сможете увидеть пейзаж во всей своей красоте для новой картины. Вы согласны?

Алина подняла красиво изогнутые брови и улыбнулась краешком губ. В ее глазах мелькнул золотистый огонек и она, задумавшись, на секунду сказала: – Спасибо за приглашение, но давайте отложим этот визит. Моя выставка продлится еще две недели. Потом я буду свободна и думаю, могу посвятить поездке дней пять. Хорошо?

– Конечно. Я позвоню управляющему, и он приготовит вам комнату с хорошим видом на долину с виноградниками, – Дин был рад, что Алина не отвергла его предложение, и он уже хотел попрощаться, но вспомнил, что обещал Алине поделиться своим впечатлением от выставки.

– Все эти дни, я размышлял о ваших картинах. Вы смогли поселить в них настоящую жизнь, наполнить каждый сюжет магической силой. У меня было ощущение реального присутствия, особенно в картине о подводном мире. Я много лет занимаюсь дайвингом, погружался на красивейшие рифы по всему свету, но никогда не думал, что краски смогут передать на холсте величие этого мира, о котором мы так мало знаем, – Дин мог часами рассказывать о дайвинге. Это было его хобби, которое давало ему возможность уйти от чужих проблем, душевных тревог и наполнить свою жизнь новым смыслом. – Я часто думаю, сколько красоты в красках и формах было реализовано на этой уникальной планете. И как страшно потерять этот мир. Вы тонко прочувствовали это и так точно смогли донести до всех эту надвигающуюся катастрофу.

– Только такое видение окружающего нас мира понятно далеко не всем, – Алина произнесла слова очень тихо и в ее голосе звучала безнадежность, – скорее всего, им это и не нужно. Они все живут одним днем и простыми желаниями.

– Мне кажется, вы не правы, Алина. Не каждому дано так ярко выразить мысль, возможно, о последних днях человечества. Сейчас многие понимают, что мир стоит на грани, и хотят подтверждения своих мыслей. А что пишут критики? – Дин хотел услышать профессиональные отзывы о выставке Алины.

– Не знаю, мне не важно, что напишут критики. Я работаю, выражая свои чувства на холсте, свое видение мира, свои ощущения происходящего со мной, – равнодушный голос Алины поразил Дина, – Вы читали Рене Генона, Дин? Он писал, что «...современный мир не просто сумасброден, он чудовищен и это подтверждает весь ход исторического развития, в цикл которого входит и наша действительность». Сильно? Но ведь это реальная мысль? Скажите, вы сами верите, в жизнь после смерти или это просто ваша работа?

– Не согласен с Геноном. «Не мир безумен, а человек...»³ Открыв термоядерный синтез, человечество, в начале, создало бомбу для уничтожения себе подобных и лишь затем ядерную энергетику.

Все мои исследования и ежедневная работа подтверждают теорию о бессмертности души, – Дин предполагал, что этого разговора не избежать, но сейчас не был готов к такому завершению вечера, – Самое интересное, что многие истории прошлых жизней находят подтверждение в архивных документах.

– Вы хотите сказать, Дин, что нашли полное совпадение историй, рассказанных душой и исторических личностей? – Алина даже немного подалась вперед в кресле, – Они действительно жили и вы нашли документы, подтверждающие это?

– Да. Правда, не все истории можно подтвердить. Многие документы утеряны, особенно в периоды войн. Я постоянно делаю запросы в государственные архивы разных стран. Это сложная работа, но она необходима. Только так мы можем доказать, что мир многограннее, чем

кажется простому обывателю, хотя сложнее всего убедить в новых знаниях закоренелых консерваторов из науки, – Дин вспомнил, каким нападкам он подвергался в начале своей карьеры. Ему отказывали в публикациях маститые научные издания, называя его работы фантазийными очерками, не имеющими под собой доказательной базы, – но я такой не один. В современном мире, мы описываем бессмертную душу, как новое открытие, но эти знания имеют очень древние корни. Мы только подтверждаем давно известную истину о том, что каждая душа приходит в этот мир неоднократно, проживая маленькую человеческую жизнь и добавляя в свою копилку очередной опыт существования на этой планете. Регрессивный гипноз позволяет открыть тайные двери и вспомнить все, что прожила душа, описать все события не только своих жизней, но и устройство мира Душ, в который она возвращается после каждого воплощения на Земле.

– Выходит, что любой человек, может просмотреть свои прошлые жизни, увидеть мир Душ и оставить эти воспоминания в сегодняшней реальности? – лицо Алины покрылось нежным румянцем.

– Можно, Алина. Но, иногда, эти воспоминания настолько жестоки, что лучше не знать абсолютно ничего о своих прошлых воплощениях. Эта память может быть разрушительна для нашей психики. Нам ограничивают прошлые знания и воспоминания не зря.

– Я хотела бы вспомнить свою прошлую жизнь. В ней можно, наверное, найти ответы на многие вопросы, которые нас терзают и мучают каждый день, – Алина откинулась на спинку кресла и быстрым движением руки, как будто поправляя волосы, смахнула невидимую слезинку.

– Вы действительно хотите пройти такой сеанс? – Дин смотрел на ее лицо, пытаясь прочесть эмоции сомнения или страха.

– Да... Я давно искала такую возможность, поэтому и читала ваши научные статьи на эту тему.

– Но это потребует более детального рассказа о вашей жизни, проблемах, чувствах и эмоциях... Слишком деликатная тема... Готовы ли вы к такому откровению, Алина? Наша встреча совершенно случайна, и вы согласились на процедуру, просто в процессе разговора, – Дин пытался объяснить Алине правила, которым требовалось следовать, – Нужен предварительный этап в процессе подготовки к гипнозу. Вы согласны?

– Это осознанное решение и оно возникло не сейчас. Я думаю, когда буду готова, я вам скажу, – Алина улыбнулась.

Дин посмотрел на часы и удивился, как быстро промелькнуло время. Ему казалось, что беседа длится не более часа, а часы предательски констатировали три. Извинившись за долгий визит, Дин стал прощаться с Алиной и уже, подходя к двери, задал свой главный вопрос: – Простите, но я забыл спросить, что означают две буквы в углу каждой картины, написанные руническими символами?

– Это авторский знак. Каждый художник имеет такой, – она удивленно посмотрела на Дина.

– А что он означает? Это секрет?

– Нет, не секрет. Моя мама всегда мне повторяла: – Где бы ты ни жила, и что бы с тобой не происходило, всегда помни, что ты русская. Еще в детстве, я подписывала все свои наброски этими двумя буквами, которые напоминали мне о земле моих предков.

Дин был удивлен и озадачен таким простым объяснением. Выйдя на ночную улицу, Дин медленно пошел по алее, последовательно прокручивая диалог с Алиной. Ему показалось, что ее интерес к нему был связан только с его профессией, и поэтому она так легко согласилась на поездку в поместье. Но что он ожидал от нее? Искренности, желания более близкого общения? Это было бы довольно странно с её стороны. Все идет так, как должно идти. Дин успокоил свои разрозненные мысли и переключился на завтрашний рабочий день. Ему хотелось

быстрее продолжить сеансы с Леоном. Просмотрев материалы записей предыдущих лет, Дин понял свои ошибки в работе с Леоном и набросал новый план общения с пациентом.

Глава 3

Утро выдалось пасмурным, с мелко морозящим дождем. Серые тучи заволокли небо, скрывая солнечный свет. Настроение было с таким же оттенком, тоскливо безрадостное. Ночной сон не принес облегчения, но Дин помнил его до мельчайших деталей, словно смотрел документальный фильм с высоты птичьего полета. Одноэтажные серые здания, выстроенные строгими рядами и засыпанные грязным снегом, сторожевые вышки с автоматчиками, лай овчарок и дымящиеся высокие трубы... Тусклое солнце придавало этому месту жуткий оттенок. И вся эта картина была заполнена отдаленным мощным гулом, похожим на глухой рев дикого зверя. Дин проснулся в холодном поту, весь сжавшись в один большой сгусток страха. Он попытался расслабиться, глубоко и медленно вдыхая воздух. Тело постепенно откликалось на его действия, но мысли остались сумбурными. Сценарии его снов все дальше затягивали Дина в исторические события, связанные с трагедиями Второй мировой войны, которая катком прокатилась по всей Европе, уничтожив миллионы людей и историческое наследие поколений. Он не понимал, что может его объединять с этим периодом истории. Размышляя о своих снах, Дин предполагал, что они, возможно, являются ключом к разгадке многих историй, как его жизни, так и скорее всего, тех, с кем он общается. Головоломка раскручивалась и все больше набирала обороты.

В десять часов утра в клинике был назначен сеанс сеньору Леону. Он опаздывал уже на двадцать минут. Это было более чем странно, потому что вчера Леон подтвердил свой визит. Прождав еще десять минут, Дин уже собирался работать с документами, как дверь открылась, и в кабинет вошел пациент. Его лицо было угрюмым, взгляд блуждал по стенам кабинета, и он даже не посмотрел в сторону врача.

– Доброе утро, сеньор Леон! – Дин приветливо улыбнулся, приглашая пациента пройти в кабинет.

– Конечно... наверное... доброе, – Леон пробурчал приветствие и молча, опустился в кресло.

– У вас, что-то, случилось? – Дин старался говорить мягко и не навязчиво.

– Не знаю... Сегодня я не хотел приходить к вам. Не знаю, что на меня нашло, но ноги к вам не шли. Я бродил в парке возле клиники, оттягивая время приема, и потом вдруг понял, что если мы не докопаемся до истины, мне лучше не станет... И что я буду делать дальше? – Леон говорил сбивчиво. Его руки дрожали, и, чтобы скрыть эту дрожь, он постоянно сгибал указательный палец на правой руке. – Я всю жизнь занимался благотворительностью, никогда никому не желал и не делал зла, я люблю свою семью, ко мне уважительно относятся на работе, я с детства посещаю все церковные праздники... Что я делаю не так? Почему я не могу просто радоваться своей жизни? Почему вы не можете мне помочь? Скажите? – лицо Леона выражало безысходность.

– Сеньор Леон. Вы должны понимать, что человек очень сложная система и до конца не изученная. Мы не знаем многих процессов, происходящих в теле человека, а тем более в его душе. Я вам рассказывал, что понимание жизни с точки зрения религии, не сильно отличается от новых открытий в медицине о душе. Она бессмертна, и, если это так, то выходит, что в этой жизни вы проходите уроки, не усвоенные в прошлых своих воплощениях. Мы должны узнать, где вы совершили ошибки, какая причина ваших жизненных трудностей, и поверьте, двигаемся мы в правильном направлении, но эта дорога длинная и сложная. И... у вас болит указательный палец?

– А... Да... Периодически его сводит судорога. Не понимаю почему, – Леон опять стал разминать палец.

– Вы умеете обращаться с оружием, Леон, – Дин внимательно посмотрел на пациента.

– Нет, что вы. Никогда не брал его в руки. У меня, можно сказать, патологическая неприязнь любого оружия. Я ненавижу насилие и даже не могу смотреть, как охотятся на животных. Мы даже перестали общаться с моим другом детства. Он заядлый охотник и его рассказы меня всегда раздражали своей жестокостью, – по лицу Леона пробежала судорожная гримаса презрения.

– Хорошо. Тогда приступим. – Дин сел в кресло напротив пациента, положил диктофон и собрался с мыслями.

– Я вам доверяю, доктор. Давайте тогда продолжим, – Леон немного расслабился, положил руки на подлокотники кресла и закрыл глаза.

Дин спокойно и медленно проговаривая слова, как будто случайно щелкнул пальцами и погрузил Леона в его воспоминания.

– Где вы сейчас находитесь?

– Я гуляю в лесу и играю с детьми с соседней фермы.

– Сколько вам лет, Леон, и как вас зовут?

– Десять. Меня зовут Клаус... Клаус Вагнер.

– Давайте отправимся дальше. Вы уже взрослый человек. Сколько вам лет сейчас? Чем вы занимаетесь?

– Мне 18 лет. Я поступил на службу в армию, – Леон говорил молодым, но строгим голосом.

– Какой сейчас год, Клаус?

– 1917 год. Идет война. Меня отправляют на восточный фронт, в Латвию.

– Что с вами происходит через шесть месяцев после отправки на фронт?

– Я тяжело ранен... Лежу в госпитале... Я военнопленный... У меня забинтовано все лицо... Жгучая боль в левом глазу... За мной ухаживают русские сестры милосердия. Они очень добрые. Я не вижу их лиц, но у них такие мягкие и нежные руки. Они глядят меня, когда делают перевязку и что-то говорят, но я не понимаю их речь, – лицо Леона расплылось в улыбке.

– Куда вас отправили после госпиталя, Клаус?

– Я в лагере для военнопленных. Нас очень долго везли в темных и холодных вагонах. Многие солдаты умерли. Я пока жив, но мне очень хочется домой. Я устал, я хочу есть..., хоть корочку хлеба., – голос звучал тихо, но в нем было столько страдания и тоски. – В лагере нас заставляют много работать и плохо кормят. Сильно болит лицо и глаз, но здесь нет врачей, и я боюсь, что умру от незаживающей раны. Она гноится.

– Представьте, что прошло двадцать лет. Где вы находитесь, и что происходит с вами?

– Я офицер вермахта. Служу в комендатуре лагеря для заключенных, у меня в подчинении сорок человек, – лицо Леона выражало высокомерие и презрение. Губы сжались в тонкую нить, спина выпрямилась, и всем своим видом пациент стал напоминать профессионального военного.

– Где находится этот лагерь? Вы можете сказать, как он называется? – Дин уже предполагал, что ответ прозвучит угрожающе страшным.

– Он расположен недалеко от Мюнхена. Это лагерь Дахау.

– В чем заключается ваша работа, Клаус?

– Следить за порядком в лагере. Я курирую медицинский блок. Наша задача создавать новые лекарства для солдат вермахта и научиться лечить их от тяжелых болезней и ранений, – он чеканил слова, словно отдавал рапорт начальнику.

Дин замер, боясь двигаться дальше. Все, что он знал о концлагерях, о тех чудовищных зверствах фашистов против разных народов в период правления Гитлера и в годы Второй мировой войны, могло сейчас выплеснуться на него, как цунами, в откровениях Клауса. Все разрозненные кусочки мозаики сегодняшних проблем Леона сложились в полную картину его

прошлой жизни. Звериная натура Клауса, совершившая столько зла, проявляла себя в новом воплощении бессмертной души в теле Леона. Лишенный прошлых воспоминаний мозг, на подсознательном уровне подавал знаки Леону, подталкивая его к познанию самого себя.

Дин много раз задавал себе один и тот же вопрос – почему душа, наделенная любовью, вселенскими знаниями и возможностями, живет в симбиозе с примитивным человеком и порождает столько страданий, жестокости, преступлений, отчаяния и скорби? Почему она позволяет развиваться в человеке таким порокам? Почему мы лишены этой памяти предыдущих воплощений? Почему каждый раз приходится начинать с нулевой точки отсчета и постоянно делать выбор? Может именно возможность ВЫБОРА и есть ответ на этот мучительный вопрос? И именно скорби помогают раскрыться душе в полную силу и показать человеку его истинное Я? Эти вопросы постоянно мучили Дина, добавляя больше загадок, чем полноценных ответов.

– Вы сможете описать медицинский блок? И что там происходит? – Дин внимательно наблюдал за пациентом, тревожась за его эмоции.

– Да, смогу, – мышцы лица заиграли, выдавая одну маску за другой. Жестокость, презрение, превосходство, злоба... Руки Леона быстро сжались в кулаки, и он опять стал разминать указательный палец правой руки, – В первом блоке проводятся испытания, связанные с возможностями человека на больших высотах. Мы должны понимать, на какой высоте наступает необратимая гипоксия мозга, когда летчик не сможет управлять самолетом. Наконец, мы продвинулись в своих исследованиях! Наши врачи гениальны! Прекрасные результаты! Это очень важно для нашей армии, – легкий взмах руки пациента, словно отдающий приказ подчиненным, и голос стал звучать жестко. – Весь этот материал уже отработан. В отходы. Нужно еще несколько раз проверить все данные опытов... Не беспокойтесь, мы предоставим вам много нового материала. Вы же знаете, что у нас их тысячи, молодых и здоровых. Продолжайте работать!

Дин был сражен услышанным. В своей практике, он впервые столкнулся с такой исторически реальной личностью. – Продолжайте, Клаус. Что еще вы видите в медицинском блоке?

– В правом крыле находится инфекционный бокс. Я не захожу в него никогда. Предпочитаю работать с документами... В соседних кабинетах я вижу кровати с детьми. Возле них врачи. Они исследуют возможности переливания крови разных людей и осложнения после этих манипуляций... У них неплохие результаты, – Леон говорит надменным голосом с чувством превосходства и уверенности в правильности своего дела.

– Вы можете сказать какой возраст у детей, – сердце Дина стучало как сумасшедшее. Он хотел прекратить сеанс, страшась услышать нечеловеческие признания, но понимал, что нужно двигаться дальше.

– Мы работаем с детьми шести, семи лет.

– Клаус, вы испытываете жалость к этим малышам?

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Нет. Они рабочий материал, – лицо Леона исказилось в гримасе непонимания.

– Они умирают от ваших опытов? – Дин не узнавал свой собственный голос.

– Конечно. Это естественный процесс. Каждый день у них берут по пятьсот миллилитров крови для наших солдат. Их всегда можно заменить новым материалом, – и опять лицо Леона выражало удивление.

Дин медленно задал новый вопрос, и он повис в воздухе, словно огромная плита, готовая рухнуть и придавить все вокруг своей мощью: – Если опыт был неудачен, что вы делаете с детьми?

– Иногда, если есть время и желание, я их расстреливаю. За медицинским боксом есть площадка для этих целей...А потом, конечно крематорий. Они нам больше не нужны, – равнодушный и отстраненный голос Леона был жутким в своей циничности и жестокости.

Дин молчал несколько минут, отрешившись от сеанса. Затем последовал очередной вопрос: – Что находится в других блоках, Клаус?

– Дальше блок операционный. Здесь оперируют отмороженные конечности у пленных, ну и другие вещи. Я не хочу на это смотреть и слушать их крики.

– Почему? – Дин надеялся услышать в голосе Леона хоть малейшую тень сочувствия.

– Они меня раздражают, и у меня появляется желание всех пристрелить, – Леон вновь стал разминать указательный палец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.